

АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ ЯРКОВ,

доктор исторических наук,

ведущий эксперт,

Тюменский государственный университет,

г. Тюмень, Российская Федерация,

e-mail: ayarkov@rambler.ru

МАРГИНАЛЫ И МАРГИНАЛЫ УММЫ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В СЕРЕДИНЕ XX ВЕКА

Аннотация: в статье рассматриваются некоторые вопросы истории пребывания мусульман в регионе Сибири и Дальнего Востока в советское время, испытания и обретения, через которые прошли верующие в местах пребывания и отбытия наказания.

Ключевые слова: мусульмане; маргиналы и «маргиналы»; XX в.; Сибирь и Дальний Восток; «Дальстрой»; конфликты и последствия в местах отбытия наказания.

Как бы не относиться к маргиналам – они часть российского социума, а для мусульман – единоверцы. Между тем согласно теории стигматизации (клеймения), девиации – следствие того, что само общество (вернее, социальная группа) «наклеивает» на личность соответствующие ярлыки (первичная девиантность). Вторичная девиантность развивается после клеймения и как реакция на него. В результате клеймения формируется репутация, вынуждающая индивида придерживаться девиантной роли (вторичная девиантность). Человек, принявший на себя роль маргинала, будучи «заклеймённым» религиозной группой, способен на радикальные поступки и преступления. Если же верующий придерживается убеждений, которые не являются одобряемыми религиозной группой, то «клеят» девиантом, маргиналом, фанатиком, еретиком.

Феномен маргинала не только в нарушении установок Корана (где «терпение/покорность» упомянуты 90 раз), но и в отношении к единству уммы как социальному институту, мнению улемов и старейшин, требованиям государства, к которому принадлежат. Поэтому следует рассмотреть феномен маргиналов по отношению к меняющейся политической ситуации, где «маргиналами» (по отношению к внедряемым социальным нормам) властью объявлялись все верующие. В 1930-е годы органы НКВД, подчиняясь партийным и советским директивам, выявили (или инсценировали) подготовку служителями культа и рядовыми мусульманами восстаний в Среднем Прииртышье и Горном Алтае. Тогда якобы выявлено, проходили ли тайные собрания и открытые акции поверивших в ослабление прессинга в разгар коллективизации. Эти люди властью были объявлены асоциальным элементом.

Между тем эти мусульмане (как и представители других конфессий) пытались защитить обещанные Конституцией права, но встречали сопротивление не только со стороны властей, но и соплеменников, «порвавших с опиумом народа». Из их числа – не только выросшие при советской власти, но и бывшие служители культа, занявшие свое место (но временно) в иерархии советских служащих.

Многих служителей культа, в том числе официально отказавшихся от служения или недавно переехавших из других регионов СССР, арестовали, в том числе по обвинению в «организации контрреволюционной группировки», например, М. Вильданова. Н. А. Арустанов, якобы, вообще «терроризировал коммунистов». Наказывали за: принадлежность к: «Союзу спасения России» (Дж. Р. Кирасирова); «контрреволюционную деятельность» (Н. Ф. Жалилова), участие в «Гаскери Уешма» (Ф. Галямова), «шпионскую деятельность» (З. С. Гайсина) и т. д.

«Путь в маргиналы советского общества» недостаточно исследован применительно к мигрантам. Все 1930-е гг. использовались добровольные и принудительные формы миграции. Дело в том, что в 1929 г. Наркомат труда РСФСР обосновал необходимость в ходе реконструкции городов проводить «максимальное форсирование темпов индустриализации и обобществления быта», игнорируя этноконфессиональные особенности. Впрочем, все сибиряки и дальневосточники (горожане и сельчане) оказались оторванными от остального мусульманского мира, а развитие местной традиции богословия – прерванным. К тому же меры принудительной миграции (в соответствии с постановлением Совнаркома РСФСР от 18.08.1930 «О мероприятиях по проведению спецколонизации в Северном и Сибирском краях и Уральской области») привели к разрыву прежних горизонтальных и вертикальных связей в умме.

Только в Западную Сибирь было депортировано 300 тыс. чел., а в Восточную – 86 тыс. чел. К тому же в соответствии с Постановлениями ЦК ВКП /б/ и СНК СССР (1939) из малоземельных и трудоизбыточных регионов в Сибирь и на Дальний Восток началось организованное переселение. Только в Западную Сибирь направлено 46,5 тыс. семей (221,5 тыс. чел.), где 3,4 % – татары.

В ряде случаев это изменило облик поселений. Заметно стало присутствие мусульман даже в степных районах Бурятии. Не занимаясь прозелитизмом, мн. приезжие поддерживали свою религиозность в группах. Они не вызывали беспокойства у руководителей, поскольку, в основном, состояли из пожилых, для колхозного труда уже мало полезных. Но именно старики стали приобщать детей к религии, а позднее оказались востребованы для душевного успокоения людей.

По данным 1934 г. выехавшие из Казахской АССР казахи осели в Новосибирске – 600 семейств, в Кемерово, Ленинск-Кузнецком и Сталинске по 2000 чел., в Иркутске – 120 чел.; в Улан-Удэ – 3372 чел., а в Хабаровске до 500 чел. Значительное количество было и во Владивостоке. Это отразилось на появлении групп верующих там, где мусульман ранее вообще не существовало (или минимально, не позволяя осуществлять полноценную религиозную деятельность). Не являясь миссионерами и противниками советской власти (в подавляющем большинстве), в 1935 г. все «руководители откочёвок из КазАССР»

(46 чел.) были арестованы. Больше всего их обнаружили органы НКВД в Восточно-Сибирском крае (создан в 1930 г.) – 36 чел.

Оказывало влияние на маркеры, независимо от принадлежности, и внешне-неполитическая ситуация. Так, нагнеталась обстановка по отношению к разным группам верующих: были выявлены в алтайском а. Аттабай и соседнем немецком селении «группы диверсантов», которые, якобы, вербовали в религиозные общины «доверчивых».

Многих верующих (в том числе мусульман) отправляли в спец(труд)поселки (только в Западной Сибири в 1931 г. их 370) и ИТЛ системы ГУЛАГ НКВД, расположенные в Сибири и на Дальнем Востоке: ГорЛАГ (г. Норильск), ОзёрЛАГ (в районе Байкала) и др.

В этом отношении интересна для анализа система «Дальстроя» – государственного треста по дорожному и промышленному строительству. Это уникальное и постоянно менявшее конфигурацию производственное и административное образование, созданное в 1931 г. и не подконтрольное местным органам власти. Оставаясь в системе НКВД СССР, трест мог свободно перемещать материальные и людские ресурсы по всему пространству Дальнего Востока (в подчинении «Дальстроя» к 1953 г. около 3 млн км²) [1, с. 457–458].

В 1930-х годах вокруг приисков, портов и трасс появились первые посёлки, административно подчиненные «Дальстрою». Несмотря на репрессии, духовная жизнь продолжилась и там, а традиции не прервались, уйдя во «вторую реальность» – в подполье. Если в двух «реперных точках» жизни – при рождении и бракосочетании обряды можно провести втайне, то самый консервативный – похоронный требовал публичного обозначения конфессиональной принадлежности (не редко уже только по происхождению) умершего. И в отсутствии «легальных» роль муллы исполнял любой из стариков, знавший молитву и обряды.

В «Дальстрое» широко использовался бесплатный труд заключенных, занятых на тяжелых работах. В крае к 1940 г. насчитывалось около 2 750 000 чел., где заключённых около 500 тыс. Если же учитывать спецпереселенцев, то подавляющую часть рабочей силы для промышленности региона давал ГУЛАГ. В условиях лагерного пребывания жизнь верующих усложнялась. И за исполнения обрядов, в отличие от поселковой жизни, следовало наказание.

Заметим, что находящимся на казарменном положении, но формально свободным в гражданском отношении мобилизованным из Средней Азии для работы на северных предприятиях и стройках Сибири и Дальнего Востока мусульманам их вера помогла выжить в непривычных природных и социальных условиях. Поняв всю сложность адаптации, учитывая изменение ситуации на фронте («перелом» войны) и огромные потери призванных, с 1944 г. их отправляли домой.

Местами передислокации исправительно-трудовых лагерей из прифронтовой полосы с 1941 г. стали Магадан (центр «Дальстроя»), Норильск, Колыма. «Дальстрой» привлекался для строительства базовых и запасных аэродромов межконтинентального воздушного моста Аляска – Сибирь. Там отбывал срок и закончил свои дни Х. Г. Габитов [3]. В этом отношении «повезло» Х. Х. Зайни,

в 1944 г. освобожденному от наказания. В тот год количество вольнонаемных в части районов стало уже доминировать над числом заключенных.

В послевоенные годы «Дальстрой» – лагерно-производственный комплекс, сравнимый по бюджету с РСФСР и УССР, для обеспечения которого направлены новые группы. В 1949 г. в распоряжении «Дальстрой» оказалось: 588 узбеков, 452 казаха, 427 татар + 111 крымских татар, 383 азербайджанца, 154 кабардинца, 19 балкарцев, 9 карачаевцев, 4 ингуша [4].

Среди спецпоселенцев были курды и учитываемые отдельно езиды. Они зримо оказались отличительны ритуалами от тех, которых придерживались их местные единоверцы. Возникали и конфликты, поскольку они оказались «маргиналами» для уммы.

Почти все ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные к середине 1950-х гг. сосредоточены на Колыме. С 1953 г. заключённые стали замещаться трудовыми ресурсами из других регионов страны. Хотя немалую часть населения составляли бывшие заключенные, ссыльные, их потомки; местным феноменом было явление переезда к бывшим заключенным или ссыльным их родственников и поселение рядом с ними. Структуры «Дальстроя» были использованы при создании Магаданской области.

Распоряжаясь человеческими судьбами, руководство «Дальстроя» игнорировало культурные запросы. К тому же в условиях тоталитарного атеистического давления религиозные практики, особенно среди осуждённых и спецпоселенцев, затруднены, но отмечались органами НКВД и НКГБ СССР.

С советского времени характерны асоциальные группы, именуемые БИЧ (бывший интеллигентный человек) и БОМЖ (без постоянного места жительства). Для многих из них пребывание в местах исполнения наказания в Сибири и на Дальнем Востоке стало «стартом» в их опускании «на дно жизни». К тому же открывшиеся возможности сезонной работы финансово подпитывали, а в некоторых случаях и создавали возможности для возвращения в общество.

Список литературы

1. ИЭС: в 3 т. Новосибирск, 2009. Т. 1.
2. Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930–1953. М., 2005.
3. Хотелось бы всех поименно назвать: книга-мартиролог. Хабаровск, 2004.
4. Чернолуцкая Е. Н. Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг. Владивосток, 2011.